

ПРУССКИЙ ВОПРОС И ВЕЙМАРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ *

С. Ленчер

Ликвидация союзными державами прусского государства закрывает одну из самых темных страниц германской истории. Чтобы полностью оценить историческое значение этого акта, необходимо вспомнить, что разбойничье юнкерско-прусское государство в течение нескольких столетий было оплотом немецкой реакции. Засилие Пруссии и прусского юнкерства налагало печать особой реакционности на государственный строй Германии. Именно так называемый прусский вопрос стал одним из препятствий на пути к подлинной демократизации германского государства после первой мировой войны, в период Веймарской республики. За этим барьером укрылись силы юнкерско-буржуазной реакции, подготовившие фашистский переворот, уничтожившие самую Веймарскую республику.

Веймарская республика и её конституция явились плодом победы ноябрьской буржуазной революции 1918 г., происшедшей на почве поражения Германии в первой мировой войне. В результате всенародного восстания монархия была свергнута. Германия была провозглашена республикой. Повсеместно создавались советы рабочих и солдатских депутатов. У власти стало меньшевистское «социалистическое» правительство народных уполномоченных. Во главе советов были также немецкие меньшевики — социал-демократы и независимые. Как в правительстве, так и в советах они защищали интересы буржуазии. Германия прошла через свой «февраль»¹ и стояла перед перспективой перерастания буржуазной революции в пролетарскую, к которой немецкие коммунисты-спартаковцы призывали массы, выдвигая программу установления советской социалистической республики.

В этих условиях все политические партии Германии «перешли на почву совершившихся фактов» свержения монархии и провозглашения республики. В противовес коммунистическому лозунгу учреждения советской демократии в Германии, вокруг идеи буржуазной демократии временно объединились все сторонники буржуазного порядка. Все партии, от консерваторов до социал-демократов и колебавшихся независимых, высказывались за поддержку правительства «народных уполномоченных и за скорейший созыв Национального учредительного собрания для решения вопроса о государственном устройстве Германии. Все политические партии после ноябрьской революции перегруппировали свои ряды, перестроили и подновили свои программы, сменили свои старые названия на новые, показывая чудеса приспособления к изменившейся обстановке. Даже консерваторы нашли в себе достаточно силы и гибкости, чтобы временно поступиться монархией во имя спасения старого, юнкерско-буржуазного государства от революционной бури. «Немецкая монархическая система была опорой германской национальной идеи, которая была доведена до высшего воплощения в структуре германского государства. Теперь этого нет, а немецкий национальный дух должен расти и охватить весь народ», — писал в ноябрьские дни в консервативной «Deutsche Tageszeitung» один из видных представителей пангерманизма, граф Ревентлов, перешедший

* Настоящая статья является частью подготовляемой автором монографии по священной истории Веймарской республики.

¹ Анализируя происшедшие в Германии события, Ленин говорил, что «в основном, по видимому, у немцев всё-таки февраль, а не октябрь» (Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 514).

впоследствии в фашистский лагерь. Он считал необходимым «сохранить старую немецкую национальную идею при любой государственной форме»².

Помещицья консервативная партия переименовалась в «Немецкую национальную народную партию». Консерваторы вместе с национал-либеральной партией крупной империалистической буржуазии, переименовавшейся в «Немецкую народную партию», составили лагерь оппозиции республике. Эти партии стремились к сохранению старой великопрусско-бисмарковской структуры государства в любых условиях. Партии, представлявшие широкие слои немецкой буржуазии, — леволиберальные прогрессисты, превратившиеся в «Немецкую демократическую партию», и католическая партия Центра — перешли на буржуазно-республиканскую платформу.

Буржуазно-республиканский лагерь выдвинул свою программу буржуазно-демократических преобразований. 14 ноября в «Berliner Tageblatt» была опубликована статья Гуго Прейса «Народное государство или бюрократическое государство на выворот», в которой он заявлял, что старое бюрократическое государство обанкротилось. Новую, установившуюся после революции власть Прейс называл «бюрократическим государством на выворот» и, резко осуждая отстранение буржуазных партий от участия в правительстве, настаивал на привлечении «всего народа» к государственной деятельности путём всеобщих выборов и создания таким образом «Народного государства».

Это выступление сразу выдвинуло на большую политическую арену скромного преподавателя берлинской высшей торговой школы, автора незаконченной «Истории развития конституции городов» и очень умеренного проекта изменения действовавшей конституции. В этом проекте 1917 года Прейс стремился, не затрагивая монархических основ старой конституции, усилить централизаторское начало и расширить демократические права населения. Буржуазная революция и опасность перерастания её в пролетарскую заставили Прейса выйти далеко за рамки своей первоначальной убогой программы. Заурядный немецкий леволиберальный профессор превзошёл самого себя, став автором передовой немецкой буржуазно-демократической программы послевоенного времени.

«Если бы ход истории не выдвинул Гуго Прейса на арену больших действий, его имя сохранилось бы только в науке об управлении и в локальной истории Берлина», — писал автор введения к одноимённому изданию трудов Прейса Теодор Гейс³.

Буржуазно-демократические воззрения и наличие у Прейса работы, посвящённой пересмотру старой конституции, послужили основанием для назначения Прейса статс-секретарём министерства внутренних дел правительства народных уполномоченных и для привлечения его к составлению проекта новой конституции. 20 января 1919 г. Прейсом были опубликованы в «Reichsanzeiger» проект конституции и объяснительная записка к нему. В объяснительной записке Прейс развернул программу буржуазно-демократических преобразований в Германии. При этом он справедливо охарактеризовал вильгельмовскую Германию как расширенную Великопруссию, указывая на то, что «бисмарковская конституция возникла из внешней политики Пруссии и никогда не могла совлечь с себя знаки этого происхождения, несмотря на все происшедшие с тех пор перемены»⁴.

Прейс писал, что представительные учреждения были для Бисмарка только средством укрепления и сохранения в новых условиях прусского полицейско-бюрократического государства, что в построении союзного со-

² Цит. по «Berliner Tageblatt», 16 November 1918.

³ «Staat, Recht und Freiheit. Aus 40 Jahren deutscher Politik und Geschichte», von Hugo Preuss, mit einem Geleitwort von Th. Heuss. Tübingen. 1926. S. 6.

⁴ «Kölnische Zeitung», 21 Januar 1919.

вета Бисмарк с виртуозным искусством использовал федералистскую государственную форму для закрепления гегемонии Пруссии и зависимости от неё мелких государств. Гуго Прейс считал, что крушение старой политической системы делает возможной организацию политической власти на иной государственно-правовой основе. Новое государство представлялось Преису как «единая немецкая республика, основанная на праве самоопределения наций», согласно которому немецкий народ был волен создавать внутри единого германского государства отдельные государственные объединения, независимо от прежних границ между немецкими землями, основанных на династической политике, браках царствовавших домов, захватах и т. п. В этой связи Прейс не находил возможным сохранение Пруссии в прежнем объёме, так как она не представляла единого целого ни по своей культуре, ни по национальному составу, а главное потому, что Пруссия, оставаясь в прежних размерах, неизбежно продолжала бы играть роль государства-гегемона⁵.

Составленная под непосредственным воздействием революционных событий объяснительная записка Преиса представляла собой шаг вперёд в развитии немецкой буржуазной конституционной мысли. Расчленение Пруссии, ликвидация прусской государственной гегемонии и великопрусского построения государства были делом первоочередной важности и являлись непременным предварительным условием демократизации государственного строя Германии. Создание же на расчищенной от прусско-юнкерского политического засилия почве единой германской буржуазной демократической республики с предоставлением необходимой самостоятельности отдельным германским государственным, местным самоуправлениям и т. д. означало бы осуществление требований демократизации государственного строя Германии.

По проекту конституция должна была состоять из четырёх разделов: I. Государство в целом и отдельные немецкие свободные государства. II. Основные права немецкого народа. III. Рейхстаг. IV. Рейхспрезидент. В проекте конституции гарантировались буржуазно-демократические свободы и усиливалась центральная государственная власть. В ст. II говорилось: «Вся власть находится в руках немецкого народа» и осуществляется созданными на основе конституции органами власти. Полномочия кайзера, согласно проекту, переходили к рейхспрезиденту. Рейхстаг должен состоять из двух палат: палаты депутатов и палаты представителей отдельных государств, причём последние должны были избираться местными палатами депутатов. Но вместе с тем в проекте конституции не было даже упоминания о республике. В ст. I государство попрежнему называлось «империей» (Reich). В отличие от объяснительной записки в проекте конституции ничего не было сказано об уменьшении удельного веса Пруссии⁶.

Эти умалчивания ярко характеризуют политический облик отца Веймарской конституции, показавшего себя довольно трусливым и приспособляющимся к реакции демократическим деятелем.

Но и этой достаточно ограниченной программе буржуазной демократии не суждено было осуществиться. Уже ко времени опубликования Преисом проекта конституции и объяснительной записки к нему политическая ситуация в Германии резко изменилась. Спровоцировав ряд столкновений с передовыми рабочими, матросами и солдатами 6, 24—25 декабря 1918 г. и спровоцировав, наконец, январское восстание германского пролетариата 1919 г., правительство с помощью реакционной военщины жестоко расправилось с ними. Разгром январского восстания, успехи буржуазных партий на выборах в Национальное собрание 19 января

⁵ «Kölnische Zeitung», 21 Januar 1919.

⁶ Ibidem.

1919 г. окончательно решили вопрос «советская власть или буржуазный парламент» в пользу последнего, дали перевес силам буржуазно-юнкерской реакции и вызвали общее поправение немецкой буржуазии.

Появление в печати проекта конституции и объяснительной записки Прейса вызвало целую бурю протестов. Немецкая национальная и Немецкая народная партия ополчились против посягательства Прейса на целостность Пруссии и великопрусский принцип построения государства. Против Прейса выступила по этому вопросу его собственная партия. Правление берлинской окружной организации Немецкой демократической партии объявило Прейсу, что в случае избрания его в Национальное собрание он должен отказаться от депутатского мандата, так как партия не желает иметь депутатов, являющихся сторонниками расчленения Пруссии. И после избрания Прейса в Национальное собрание в партийной прессе долго дебатировался вопрос о праве Прейса на депутатский мандат и о необходимости созыва съезда для решения этого вопроса⁷.

Унитаризм Немецкой демократической партии носил, таким образом, великопрусский характер. Социал-демократическая партия, будучи сторонницей создания единой буржуазно-демократической республики в Германии, хотя и поддерживала проект Прейса в целом, соглашательствовала с юнкерско-буржуазной реакционной оппозицией и в вопросе о внутренней структуре республики и в вопросе о Пруссии. Прусские социал-демократы и даже независимые объявляли себя «добрыми пруссаками» при малейшей опасности ущемления интересов Пруссии. Таким образом, первоначальной программе Прейса противостоял огромный лагерь защитников гегемонии Пруссии. Против проекта конституции Прейса выступила также католическая партия Центра. Она не была сторонницей сохранения целостности Пруссии и прусской гегемонии, но выступала против предусмотренной проектом конституцией государственной централизации с реакционных партикуляристско-федералистских позиций местной буржуазии, которая хотела отделаться от воздействия центральных властей. Партия Центра стала душой реакционного по своему существу сепаратистского движения в Рейнско-Вестфальской области, в Баварии и других местах, не гнушаясь военной и материальной помощью держав Антанты.

Проект конституции Прейса подвергся подобного рода нападкам при обсуждении его конференцией германских государств 25 января 1919 года. В итоге конференция поручила комитету представителей отдельных государств под председательством Прейса переработать первоначальный преисовский проект для передачи его на рассмотрение Национального собрания. Вместе с тем конференция поручила комитету срочно подготовить проект закона о временной государственной власти, которую Национальному собранию надлежало установить впредь до утверждения конституции и создания органов власти согласно последней.

Законопроект о временной государственной власти, составленный, по словам Прейса, «по линии наименьшего сопротивления», не встретил особых возражений и был принят в начале заседаний Национального собрания, открывшегося 6 февраля 1919 г. в Веймаре. Согласно законопроекту, ведение государственных дел передавалось рейхспрезиденту, избранному Национальным собранием. Рейхспрезидент должен был назначать министерство, ответственное перед Национальным собранием. Наряду с правительством создавался так называемый «комитет государств», который должен был заменить старый Союзный совет. Национальное собрание избрало рейхспрезидентом социал-демократа Эберта и утвердило коалиционное буржуазное правительство из представителей Немецкой демократической партии, Центра и социал-демократов.

⁷ «Kölnische Zeitung», 28 Januar 1919.

В конце февраля 1919 г. Веймарское национальное собрание приступило к обсуждению конституции, утверждение которой было основной его задачей.

Исторической традицией, с которой ораторы партий веймарской коалиции связывали свою позицию в конституционном вопросе, была «Паульскирхе» — Франкфуртский парламент 1848—1849 годов. Веймар, по мысли Эберта, высказанной им во вступительной речи к открытию Национального собрания, должен был перекликаться с Франкфуртом точно так же, как 9 ноября 1918 г. — с 18 марта 1848 года⁸. На исторические традиции 1848 г. ссылались также представители демократической партии. «Мы исходили не из бисмарковской конституции, — говорил депутат Кох. — Мы привлекали в первую очередь те великие идеи, которые в 1848 году воодушевляли наших отцов при разработке конституции»⁹.

Однако правая Национального собрания в лице представителей Немецкой народной и Немецкой национальной народной партий довольно скептически отнеслась к этим заявлениям. Штреземан счёл сравнения с 1848 г. неудачными и неверными и нашёл гораздо более подходящим ко времени пример штейнгарденбергского законодательства, а националист Дюрингер охарактеризовал прейсовский проект конституции как политически нереальный: «Если бы речь шла о докторской диссертации, или академическом конкурсе на тему «лучшая республиканская форма в Германии на демократической основе», тогда я считал бы, что министр Прейс решил эту задачу, но только как академическую, без учёта политической реальности»¹⁰, — говорил Дюрингер.

Скептицизм правых был основан на сознании своей силы. Проект конституции, предложенный Прейсом Национальному собранию от имени комитета представителей отдельных государств, уже значительно отличался от первоначального прейсовского проекта и был большим шагом назад по сравнению с ним. Первоначальный проект подвергся таким изменениям, что, по словам Прейса, представлял теперь «изломанную линию»¹¹.

Но Национальное собрание не удовлетворилось поправками, внесёнными комитетом представителей отдельных государств в первоначальный проект конституции. После бурных дебатов собрание избрало новую конституционную комиссию под председательством менее «левого», чем Прейс, представителя немецкой демократической партии — Гаусмана, и поручило ей окончательную редакцию проекта конституции. Конституционная комиссия внесла, в свою очередь, дальнейшие поправки¹². Конституционный проект этой комиссии обсуждался детально Национальным собранием и был с новыми поправками окончательно утверждён 31 июля 1919 года.

Первая, наиболее важная часть обширной Веймарской конституции, состоявшей из 181 статьи, трактовала об «устройстве и задачах государства». О монархии в новой конституции не было и речи. Вопрос о ликвидации монархии был менее всего предметом дискуссии при обсуждении проекта конституции. Даже монархическая правая Национального собрания не осмеливалась открыто ставить вопрос о реставрации, ввиду полной её неосуществимости в сложившихся внутри- и внешнеполитических условиях. «Мы и теперь являемся принципиальными приверженцами монархии, — говорил в своей речи представитель Немецкой национальной

⁸ Verhandlungen der verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Bd. 326, S. 3. Berlin. 1920.

⁹ Ibidem, S. 390.

¹⁰ Ibidem, S. 471.

¹¹ Ibidem, S. 284.

¹² Ibidem, Bd. 336.

народной партии Клеменс фон Дельбрюк,— но мы реальные политики и стоим на почве фактов»¹³.

Ликвидация монархии была делом решённым и для партий веймарского большинства, перешедших после революции с монархических позиций на республиканские, однако по существу своих взглядов в этом вопросе мало отличавшихся от монархической правой. Характерной в этом отношении была точка зрения представителей Немецкой демократической партии. Поздравив Клеменса фон Дельбрюка с переходом националистов на прежнюю, прогрессистскую платформу «демократической монархии», оратор демократической партии Кох заявил, что его единомышленники никогда «не были принципиальными республиканцами» и что если бы монархия проводила правильную политику и сделала бы необходимые уступки, то «монархию можно было бы удержать и ввести в конституцию, не нарушая в сколько-нибудь значительной степени основную демократическую идею конституции», но что время упущено и ныне о восстановлении монархии не может быть и речи «из-за сопротивления народа»¹⁴.

Так же мало оспаривалось в Национальном собрании и предоставление буржуазной конституцией широких демократических свобод населению. Ликвидация монархии, учреждение республики и широкие демократические свободы были завоёваны народными массами в революции 1918 г. и записаны в конституции.

Ликвидация монархии и учреждение первой в истории Германии буржуазной республики с президентом во главе и с правительством, ответственным перед парламентом-рейхстагом, с широкими буржуазно-демократическими свободами — свободой личности, слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенностью жилища, тайной почтовых, телеграфных и телефонных сношений и т. п.— было большим шагом вперёд в германском государственном строительстве. В этом отношении Веймарская конституция не уступала наиболее передовым современным ей конституциям буржуазных стран.

Однако при всём этом веймарский республиканизм был довольно условным и формальным. На Веймарской конституции сказались дряблость, половинчатость веймарской демократии, её склонность к сделкам и компромиссам с реакцией.

Компромиссный характер Веймарской конституции отмечался представителями всех партий Национального собрания, в том числе и партий Веймарской коалиции. «Мы хотим,— говорил оратор Немецкой демократической партии Кох, определяя руководящий принцип составления конституции,— найти общую почву не на платформе левых или правых, а на средней линии»¹⁵. С платформой левых эта линия действительно не имела ничего общего. Коммунисты, как известно, выдвигали вне Веймарского Национального собрания, которое они ошибочно бойкотировали, программу советской социалистической республики в Германии. Мелкобуржуазная оппозиция Национального собрания в лице Независимой партии колебалась между советами и буржуазной республикой и, стремясь соединить несоединимое, требовала объявления Германии единой и неделимой республикой и «отведения в конституции советам места, соответствующего их политическому и экономическому значению», а также проведения в жизнь социализации. На деле «средняя линия» веймарской коалиции сводилась к компромиссу с правым меньшинством.

Требование недвусмысленного провозглашения Германии республикой, выдвинутое в собрании независимыми, а также представителем социал-демократических низов рабочим-печатником Фишером, было боль-

¹³ Verhandlungen, Bd. 327, S. 1216.

¹⁴ Ibidem. Bd. 326, S. 393.

¹⁵ Ibidem, Bd. 327, S. 1220.

шинством голосов отвергнуто, хотя социал-демократическая фракция в конце концов присоединилась к этому требованию с целью «противодействовать агитаторским кривотолкам и злоупотреблениям»¹⁶, — как говорил в своей речи социал-демократический лидер Кварк. Условность, половинчатость веймарского республиканизма целиком отражала парадоксальная формулировка: «Германская империя (Reich, а не государство — Staat. — С. Л.) является республикой»¹⁷. Веймарская конституция наряду с термином «республика» сохраняла для Германии старое название империи в качестве символа могущества и национального единения, как говорил Прейс в своей речи по обоснованию проекта конституции в полном сознании того, что термин «Reich» переводится на все языки как «империя» и создаёт для Германии за границей известные трудности¹⁸.

Компромиссным было также решение вопроса о цветах имперского знамени. Выдвинутое Гейнце, Арнштадтом и другими представителями Немецкой национальной и Немецкой народной партий предложение оставить старое малогерманское прусское чёрно-бело-красное знамя не получило большинства. За правыми пошла часть партий Веймарской коалиции — Центра и демократической партии, которая, судя по любопытному выступлению оратора демократической партии Петерсена, высказывалась за оставление старого флага, потому что необходимость ссылок на «обновление» Германии миновала после заключения Версальского мира¹⁹. Веймарское большинство приняло решение о введении великогерманского чёрно-красно-золотого республиканского знамени. Но, снимая старый флаг с парадного подъезда, Веймарская республика охотно вывешивала его с заднего крыльца, оставив в качестве торгового флага старое чёрно-красно-белое знамя с малозаметным чёрно-красно-золотым уголком.

Многое оставалось от старой, бисмарковской конституции и во внутренней структуре Веймарской республики. Весьма характерно, что при обсуждении новой конституции в Национальном собрании исходным пунктом и для её противников и для её сторонников служила старая, бисмарковская конституция. Представители Немецкой национальной народной партии находили в проекте новой конституции очень многое от старой и критиковали его именно за отступления от принципа построения Германии как расширенной Великопруссии. «В новом проекте есть много недостатков старой конституции и отсутствует ценное из бисмарковского наследства», — говорил фон Дельбрюк, имея в виду недостаточно полное осуществление великопрусского принципа²⁰.

Знаменем Немецкой народной партии были бисмарковское построение государства и бисмарковская конституция. Обрушиваясь на первоначальную формулировку прейсовского проекта конституции относительно «необходимости поставить строительство немецкой империи на иную почву, чем та, на которой стоял Бисмарк», оратор партии Гейнце превозносил «гениальность» бисмарковской конституции, при которой Германия якобы достигла «наивысшего расцвета» и по сравнению с которой компромиссная Веймарская конституция только проигрывала в ясности²¹. «К Бисмарку» звал Собрание в своей речи лидер партии Штреземан, ссылаясь на то, что самый убеждённый демократ и революционер Готфрид Кинкель пришёл якобы к признанию политики «железа и крови» как средства к достижению германского единства и могущества²².

Сам автор конституции переориентировался, заявив в Собрании, что

¹⁶ Verhandlungen, Bd. 326, S. 393.

¹⁷ Ibidem, Bd. 338, S. 704.

¹⁸ Ibidem, Bd. 326, S. 285.

¹⁹ Ibidem, Bd. 327, S. 1230—1231.

²⁰ Ibidem, Bd. 326, S. 384.

²¹ Ibidem, S. 396—400.

²² Ibidem, S. 490—491.

со времени 9 ноября многое изменилось и что «многое надо переоценить». В ответ на упрек Независимых в том, что творцы конституции всеми силами пытаются сохранить преемственность («Kontinuität») между старой конституцией и новой, между старой империей и новым государством, Преис заявил в Национальном собрании, что речь идёт только об изменении конституции. «Я не могу ни о чём другом думать, как об изменении конституции, если я не хочу признать, что немецкое государство, как таковое, исчезло, погибло полностью и должно быть основано совершенно новым государством»²³.

Стержнем конституционной проблемы, как совершенно правильно заметил в своём выступлении по проекту конституции представитель Немецкой демократической партии Шюкинг, «было соотношение между немецким государством в целом и Пруссией»²⁴. От удельного веса и места Пруссии в немецком государстве зависела вся государственная структура Германии: оставаться ли ей «расширенной Великопруссией» или стать действительно, а не формально новым, демократическим буржуазно-республиканским государством. Расчленение Пруссии и ликвидация прусской государственной гегемонии означали бы разрушение старой великопрусской государственной постройки, удар по прусско-юнкерскому засилью в германском государственном аппарате и создание условий для построения подлинно демократической буржуазной республики. Сохранение целостности Пруссии и прусской гегемонии означало сохранение и государственно-политических позиций прусского юнкерства и сросшейся с ним реакционной монополистической буржуазии в новом государстве, каким бы по форме оно ни было. Поэтому прусский вопрос был центральным в конституционной борьбе и вызвал ожесточённые столкновения сторон.

Неприкосновенность Пруссии отстаивалась с особым упорством политическими представителями юнкерства и монополистической буржуазии. Представители Немецкой национальной и Немецкой народной партий Дельбрюк, Гейнце, Штрезман и другие в своих выступлениях по проекту конституции заявляли, что они решительно отклоняют расчленение Пруссии — этой опоры, стержня германской империи. «Бисмарк решил вопрос об отношении между Германией и Пруссией в такой мере, которая удовлетворяла нас в течение десятилетий и удовлетворяла бы и дальше, если бы не ноябрьский переворот, — говорил в своей речи Гейнце. — Мы не можем делить Пруссию, так как мы разрушим единственную опору рейха»²⁵. Против посягательства на Пруссию выступил также Штрезман. В отличие от Гейнце он прикрывал своё требование неприкосновенности Пруссии тем, что доводы о её реакционности уже якобы отпали²⁶. К правой Национального собрания примкнула в этом вопросе и Немецкая демократическая партия, а социал-демократы замыкали собой единый фронт защиты пруссачества. В ответ на речи ганноверских депутатов относительно желанья Ганновера отделиться от Пруссии социал-демократический министр юстиции Пруссии Гейнце заявил от имени прусского правительства, что он «не может удовлетворять фантастические планы расчленения Пруссии»²⁷. Преис попытался было ещё раз поднять вопрос о необходимости использования прусской территории в деле перегруппировки и укрупнения отдельных германских государств в Конституционной комиссии Национального собрания. Он, однако, получил жестокий отпор со стороны подавляющего большинства членов комиссии. От Преиса отмежевались представители его собственной партии²⁸.

²³ Verhandlungen, Bd. 327. S. 1211.

²⁴ Ibidem, Bd. 326, S. 475.

²⁵ Ibidem, S. 396—397.

²⁶ Ibidem, S. 492.

²⁷ Ibidem, S. 458.

²⁸ Ibidem, Bd. 336, S.

Больше Прейс не решался настаивать на своих предложениях. Планы расчленения Пруссии и ликвидации прусской гегемонии под натиском правых были окончательно оставлены.

По сравнению с прусской проблемой вопрос об унитарном или федеративном построении государства был для правых второстепенным и производным. «Мы отклоняем расчленение Пруссии, — говорил Гейнце, — а вопрос о том, является ли Германия единым или союзным государством, играл известную роль только в теории, не представляя собой трудности на практике»²⁹.

Партикуляристско-федералистские элементы Национального собрания настаивали на федерализации Германии, на превращении её в союз государств, Прейс был беспомощен в осуществлении своей линии на унитаризацию германского государства в такой же степени, как творцы имперской конституции, принятой Франкфуртским Национальным собранием 1849 г., были бессильны провести её в жизнь. Отвечая особенно настойчивым защитникам унитаризации, Прейс напомнил Национальному собранию случай, происшедший в церкви св. Павла, когда в ответ на предложение депутата профессора Сеппа о том, чтобы «принудить правительства отдельных немецких государств к признанию имперской конституции», остроумный ганноверский депутат Детмольд предложил.. «уполномочить депутата Сеппа провести это решение»³⁰.

Веймарская конституция всё же закрепила государственное единство Германии, сохранив известную самостоятельность и право на самоуправление за отдельными германскими землями в рамках единого государства. Это было достижением Веймарской конституции, принимая во внимание поддерживаемые Францией стремления к федерализации Германии. Количество земель сократилось по сравнению с прежним с 25 до 18 за счёт слияния некоторых наиболее мелких земель. Однако сохранение гегемонии Пруссии в Веймарской республике наложило на Веймарскую конституцию в целом печать компромисса с реакцией. Веймарская конституция оставляла широкий простор для присоединения новых территорий и в этом случае ссылалась на право самоопределения наций для населения этих территорий. Статья 2 конституции гласила далее, что «другие территории могут быть приняты имперским законом в её состав, если того пожелает их население в силу права на самоопределение»³¹. Здесь имелась в виду Австрия, присоединения которой единодушно, хотя и с разных позиций, добивались буржуазные и социал-оппортунистические партии Германии.

Открывая широкий простор для присоединения новых территорий, конституция закрывала всякий путь к отделению от империи каких-либо территорий. Даже в вопросе о территориальных изменениях и создании новых земель в пределах германской империи конституция, отбрасывая всякие лицемерные ссылки на право самоопределения для населения, открыто выставяла прусский железный кулак. Первоначальная формулировка статьи проекта конституции о территориальных изменениях и создании новых государственных земель путём имперского закона, даже против воли заинтересованных государств, подверглась ожесточённым атакам со стороны правых. Представители Немецкой национальной народной партии требовали, чтобы территориальные изменения происходили только с согласия заинтересованных государств, т. е., главным образом, Пруссии. Гейнце от имени Немецкой народной партии в прениях по этой статье конституции заявил, что в ней лежит центр тяжести главной политической проблемы, которая в основном является прусской проблемой.

²⁹ Verhandlungen, S. 397.

³⁰ Ibidem, S. 288.

³¹ Ibidem.

Гейнце требовал от конституции необходимых гарантий для сохранения сильной Пруссии³².

Великопрусская позиция нашла поддержку со стороны Немецкой демократической партии. Её представитель Фальк заявил, что партия считает вредным и губительным «атомизирование Пруссии», этого «стержня немецкого государства»³³.

В результате наступления пруссачества веймарским большинством было принято компромиссное решение вопроса. В случае несогласия одной из заинтересованных сторон на то или иное территориальное изменение, издание имперского закона обусловливалось «изъявлением воли населения» и «серьёзными имперскими интересами». Воля населения выявлялась плебисцитом, условия которого были значительно затруднены: за отделение должна была высказаться не четверть, как обычно, а треть населения, пользующегося избирательным правом; для решения вопроса о территориальных изменениях нужно было не простое большинство, а две трети лиц, имеющих избирательные права и т. д.³⁴

По новой конституции так же, как и по старой, наряду с рейхстагом существовал рейхсрат. Предложение первоначального прейсовского проекта о создании вместо рейхсрата «палаты государства» (Staatenhaus) из представителей парламентов отдельных государств было отброшено ещё при предварительном обсуждении. В разделе четвёртом новой конституции предусматривалось существование рейхсрата, состоящего из членов правительств отдельных государств, в котором Пруссии принадлежало больше голосов (26 из 66, т. е. около 40%), чем в гогенцоллернском рейхсрате, где голоса Пруссии составляли около 30% всего количества (17 и 58). Согласно статьям раздела пятого конституции «об имперском законодательстве», для внесения законопроекта имперским правительством требовалось согласие рейхсрата. Конституция ограничивала компетенцию рейхсрата так называемым правом суспензивного (задерживающего) вето. Рейхсрат получил право опротестовать законы, принятые рейхстагом, и в случае несогласия закон передавался в рейхсрат для вынесения вторичного постановления. В случае расхождения президент должен был распорядиться о проведении плебисцита либо опубликовать закон в одобренной рейхстагом редакции³⁵.

Торжество великопрусских тенденций сказалось и вне Учредительного собрания. Политические деятели, которые осмеливались выдвигать проекты, направленные к ущемлению прав Пруссии, были устранены с арены политической деятельности. Оберпрезидент Восточной Пруссии, высказывавшийся за отделение и самостоятельность последней, получил отставку. Сам Прейс должен был оставить пост министра внутренних дел и т. д.

Конституция не затронула и социальных позиций прусского юнкерства. Веймарская республика не посягала на помещичьи земли. Посвящённая земельному вопросу статья 155-я конституции состояла из туманных фраз по поводу того, что «распределение земли и пользование ею находятся под наблюдением государства», которое якобы «предупреждает злоупотребления» и стремится обеспечить каждому немцу здоровое жильё, а всем германским семьям — домашний очаг, кров и т. д. Статья вскользь говорила относительно предстоящего издания закона о земельных наделах³⁶. Единственным конкретным мероприятием была отмена фиденкомиссов — заповедных помещичьих имений, подлежащих единоличному наследованию с ограничениями в праве отчуждения и за-

³² Verhandlungen, Bd. 328, S. 1809—1812.

³³ Ibidem, S. 1803.

³⁴ Ibidem, Bd. 338, S. 705.

³⁵ Ibidem, S. 708—709.

³⁶ Ibidem.

люга. Она была утверждена с большой натяжкой, при ожесточённом сопротивлении националистской правой Национального собрания.

Веймарская конституция, в которой были записаны завоёванные народными массами республиканский строй и широкие демократические свободы, была большим шагом вперёд по сравнению со старой, бисмарковской конституцией. Сохранение государственного единства при известной самостоятельности и праве на самоуправление отдельных германских земель в рамках единого государства на буржуазно-республиканской демократической основе было достижением Веймарской конституции.

Однако дряблая, склонная к сделкам с реакцией веймарская демократия была не в состоянии осуществить первоначальную преисовскую программу расчленения Пруссии, ликвидации прусской государственной гегемонии и создания единой немецкой демократической республики, основанной на праве самоопределения наций. Вследствие компромисса веймарской демократии с юнкерско-буржуазной реакцией бисмарковская великопрусская внутренняя структура и прусское «государство в государстве» были сохранены. Это наложило отпечаток на государственный строй Веймарской республики и её конституцию и способствовало сохранению и накоплению сил реакции для подготовки ею фашистского государственного переворота, уничтожившего Веймарскую республику.

Вторая мировая война принесла грандиозное поражение Германии и крах германского фашизма. Ликвидация прусского государства союзными державами не только кладёт конец существованию многовекового разбойничьего прусско-юнкерского государства, но означает также разрушение оплота всенемецкой реакции, старого реакционного великопрусского стержня германского государства. Ликвидация гегемонии Пруссии и прусского юнкерства расчищает путь для построения демократической республики в Германии и создания конституции, обладающей достоинствами Веймарской, но лишённой её недостатков.